

11. Dubielecka A. Charakter związku czasownika z elementem — *ся / sie* w języku rosyjskim i polskim // Współczesne tendencje rozwoju języków słowiańskich; Pod. red. M. Blicharskiego, H. Fontanskiego. — T. 1. — Katowice: Wyd-wo Un-tu Śląskiego, 1994. — S. 71-78.

12. Romanowska I. Czasowniki z przefiksom *od-* w języku czeskim i polskim // Studia philologii polskiej i słowiańskiej. — T. 23. — W-wa: PWN, 1985. — S. 247-253.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2004 г.

УДК 81'243

А. В. Иванов

К ВОПРОСУ О МОНОСЕМАНТИЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Моносеманτικότητα является одной из относительных категорий семантики термина и зависит от того, насколько упорядочена терминология в той или иной отрасли знания* [13, с. 135]. Если в отношении гносеологических сфер, связанных с решением естественно-научных и технических задач, можно говорить если не о полной, то хотя бы о частичной упорядоченности терминологии, то в отношении лингвистики вопрос о систематизации терминов, их гармонизации (в дальнейшем, унификации), обыкновенно сводится только к декларативным заявлениям о необходимости упорядочения лингвистической терминологии и о том, что достичь этой упорядоченности не представляется возможным в силу ряда объективных препятствий.

В ряду этих препятствий проблема многозначности лингвотерминологии занимает особое место. При решении этой проблемы сталкиваются точки зрения лингвистов, по-разному решающих вопрос о природе термина. В русле дескриптивного подхода термин понимается как “слово в особой функции” (Г. О. Винокур). Как отмечает Л. Л. Кугина, “язык дает материал для терминологий, но он же навязывает им принципы своей организации” [15, с. 89], поэтому терминам свойственна многозначность, как единицам общелитературного языка. С точки зрения сторонников прескриптивного подхода к терминологии, полисеманτικότητα представляется таким свойством термина, которое должно быть вообще устранено, так как противоречит “абсолютной номинативности” термина, “т. е. освобожденности слова от всех лексических значений (сужение признака выражаемого понятия) и закрепленности за ним

* В качестве примера, иллюстрирующего эту взаимозависимость, А. В. Калинин приводит термин *синтагма*, который в фонетике обозначает отрезок фразы, характеризующийся интонационной и смысловой законченностью, в грамматике — словосочетание с определенным типом связи.

одного значения (расширение содержания выражения понятия). Это свойство выявляется в независимости “значения” термина от контекста, которая делает равным значение термина его понятийному содержанию, т. е. прямому и однозначному соотношению с означаемым. Для термина, как совершенно определенной языковой единицы, выражение понятия с узким признаком и “насыщенным” содержанием является определяющим (категориальным) признаком” [26, с. 185-186; ср.: 1, с. 123-124; 6, с. 580; 8, с. 77; 11, с. 56; 13, с. 135; 24, с. 129; 27, с. 31-32].

Причину, по которой терминология “охраняется от свойственной обычным словам многозначности и нечеткости содержания и объема употребления”, А. Н. Гвоздев видит в том, что “каждая научная дисциплина дает определения значения терминов, в которых и указывается, какое содержание вкладывается в тот или другой термин” [9, с. 43].

Это утверждение позволяет тесно связать с понятием моносемантической термина понятие терминологического поля. Под ним понимается “своеобразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений”. Поле может быть как понятийным, будучи воспринимаемым как система понятий, так и лексическим, представляя собой совокупность терминов-слов. В этом поле, как отмечает А. В. Супранская, термин, как слово, однозначен, что исключает возможность его общего нетерминологического употребления и ставит его понимание в зависимость от традиций данной отрасли или школы [24, с. 110-112].

А. А. Реформатский, И. В. Арнольд и др., считая, что “хороший термин — это моносемантический термин”, тем не менее, отмечают идеальный характер моносемантической терминологии [2, с. 230; 22, с. 116, 131]. Идеальность моносемантической проявляется в том, что недостижимой целью оказывается реализация в полной мере принципа “один термин — одно понятие”. Говоря словами Л. Л. Кутиной, “принцип однозначности никогда не достигается во всей системе в целом, разные звенья терминологической цепи будут с необходимостью представлять разную степень выраженности изоморфных отношений...” [15, с. 94; ср.: 27, с. 32]. В этом смысле, учитывая сложность обсуждаемой проблемы, предлагается сглаживать противоречия между однозначностью и многозначностью путем трактовки фактической понятийной множественности терминов в свете никогда не реализуемой полностью тенденции к постепенному элиминированию этой множественности и к сведению понятийной наполненности термина к моносемантической [4, с. 162-163; 6, с. 580; 16, с. 104; 24, с. 130]. Однако, поскольку специфика терминов проявляется не только в сфере их свойств, но и в сфере их функционирования как лексических единиц, то на них распространяется и явление полисемии [14; 19, с. 315; 23, с. 270].

Существование терминологической многозначности, которая является “результатом использования термина в разных терминосистемах для названия различных понятий, входящих в понятийный круг различных отраслей знания”

[26, с. 185; ср.: 12, с. 48], вполне подтверждается практикой применения целого ряда терминов*.

Употребление термина вне его функциональной сферы или одновременно в нескольких функциональных сферах является не единственной причиной, вызывающей полисемантическую в терминологии. Г. А. Дюженко связывает возникновение множественности значений у термина с темпоральным фактором. Он отмечает: “С совершенствованием наших знаний понятия в науке и технике непрерывно развиваются и углубляются, появляется потребность в новых терминах. Возникающие в науке новые понятия требуют новых обозначений (термины-неологизмы). Термин однозначный и не вызывающий никаких недоразумений сегодня, может стать многозначным завтра, в процессе развития данной области науки и техники и появления новых понятий” [11, с. 57].

Полисемантическую терминов может возникать и как “следствие несовпадения семантических систем разных языков, различного распределения семантических единиц между языковыми знаками” [15, с. 88].

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин [10, с. 49-51] к числу источников многозначности относят также:

1) авторское терминотворчество, при котором уже существующий в научном обиходе термин применяется для обозначения новых понятий и объектов.

Примером многозначности такого рода является употребление термина *фонетика* в лингвистике. Первоначально термин *фонетика* употреблялся, как это засвидетельствовано в 71 полутоме словаря Брокгауза — Ефрона (1902, с. 240), “для обозначения исторического учения о звуках, их соответствии звукам родственных языков, их исторических изменениях, взаимных соотношениях и т. д.”. Позднее, в 1861 г., М. Тулов, а за ним А. А. Потесня (1866) и Ф. Ф. Фортунатов “со ученики” (1912) стали называть *фонетикой* науку, изучающую историю звуковых изменений и звуковой строй языка (= нем. *Lautlehre* у Э. Зиверса, 1876). И. А. Бодуэн де Куртенэ придал термину еще более широкое значение, включив в фонетику еще и физиологию звуков (1870) и назвав термином *фонетика* “состояние языка в звуковом отношении” [20, с. 9-11].

Термин *фонема* (от греч. φωνήμα 1) голос, звук; 2) слово, речь) впервые появился во французской лингвистике как эквивалент немецкого термина *Sprachlaut* (*звук языка*) предположительно в 1873 г. в работах А. Дюфриш-Деженетта, а затем в том же значении заимствован Ф. де Соссюром (1879). Позднее данный термин был применен в теории фонологии И. А. Бодуэном де Куртенэ в 70-80-х гг. XIX в. уже в новом значении. На протяжении XX в. термин *фонема* использовался различными лингвистическими школами, каждая из которых старалась расширить объем понятия этого термина, ввести в него свои элементы “значения” [7, с. 553-554].

* В качестве примера такой межнаучной терминологической омонимии можно описать узус терминов *морфология*, который в лингвистике обозначает раздел грамматики, изучающий различные аспекты строения слова, а в биологии — раздел, изучающий форму и строение организмов, или *деривация* — в лингвистике термин, синонимичный термину *словообразование*, в баллистике — отклонение вращающегося снаряда или пули в сторону вращения при полете в воздухе, в гидротехнике — совокупность сооружений, осуществляющих подвод воды к станционному узлу ГЭС.

2) метонимические переносы, при которых названия одного предмета переносятся на другой, находящийся с первым в ассоциативных отношениях, часть – целое, род – вид (ср.: [25, с. 60]). Такие примеры переносов по смежности во множестве встречаются в лингвистической и литературоведческой литературе.

К источникам многозначности в лингвистической литературе причисляют также метафорические переносы. “Метафора и полисемия могут рассматриваться как процесс и результат действия сложных языковых и когнитивных механизмов, как средство концептуализации эмпирических знаний” [21, с. 17]. Возникающее путем метафорического переноса новое значение языковой единицы “кодифицируется” и “легитимируется” полисемией и впоследствии закрепляется лексикографическими средствами.

В русле проблемы моносемантности терминологии возникает необходимость вычленения у термина такого его относительного признака как зависимость / независимость от контекста*.

Думается, что идеальный термин, действительно, не должен зависеть от контекста, как утверждают многие лингвисты [15, с. 87; 2, с. 230; 22, с. 115; 18, с. 139; 4, с. 162-163], но именно идеальный, так как в идеале термин однозначен, а однозначный термин как внутри контекста, так и вне его понимается всегда одинаково. А. А. Реформатский, обосновывая независимость термина от контекста, указывает, на то, что термин “1) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста, 2) может употребляться изолированно, например, в текстах реестров или заказов в технике, 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии” [22, с. 115].

В принципе, со всем этим трудно не согласиться. Но другое дело, если исследователь оперирует термином, особенностью которого является многозначность в рамках терминологии одной и той же отрасли науки или техники. Например, английский термин *key* может иметь следующие значения (и, стало быть, следующие русские эквиваленты перевода): *ключ, клин, шпонка, чека, шпилька, закреп, кнопка, переключатель, клавиша* и т. д., а русский термин *муфта* может переводиться на английский язык терминами *coupling, clutch, sleeve, union, socket, nut, collar, connector*. Сложно представить себе, как в таком случае должен пониматься тот или иной термин, если он упомянут, скажем, в текстах реестров или заказов в технике. В этом случае, как замечают Л. С. Бархударов, Ю. И. Жукова и др., “решающим условием в выборе правильного значения многозначного термина... является контекст” [3, с. 10]. Речь идет, в первую очередь, о словесном контексте, т. е. “тех словах, которые окружают или сопровождают данное слово и придают ему необходимую однозначность” [22, с. 113]. Для адекватного восприятия данного термина на понятийном уровне контекстом может выступать, к примеру, данное в заглавии реестра (заказа, упаковочного листа и т. п.) наименование технического устройства, в котором термин *key* будет

---

* Как пишет В. М. Лейчик, этот признак, выдвинутый Д. С. Лотте, “сейчас подвергается серьезной критике — по крайней мере относительно формы термина” [17, с. 84].

понят и воспринят с профессиональной точки зрения, скажем, только как *ключ*, но никак иначе.

В свете вышесказанного представляется, что проблема единичности или множественности значений термина еще далека от окончательного решения. Однако, по нашему мнению, можно быть уверенным в том, что достижение идеального состояния, при котором одному термину соответствует одно понятие, не является невыполнимой задачей, ибо, как совершенно справедливо замечает А. Б. Бушев, “сама терминология возникает как кодифицированное речевое поведение, направленное на достижение однозначности понятия в той или иной отрасли специального знания” [5, с. 283]. Упорядочение и унификация терминологии на конвенциональной основе и при тщательном отборе терминологического материала позволят со временем успешно реализовать на практике закон всякой организованной терминологии: одно понятие — один знак.

Литература

1. Абдулфанова А. А. Научный дискурс о тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. — Рязань, 2002.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. — М., 1986.
3. Бархударов Л. С., Жукова Ю. И., Квасюк И. В., Швейцер А. Д. Пособие по переводу технической литературы (Английский язык). — М., 1967.
4. Борхвальд О. В. Специальная лексика прошлых эпох: проблема стратификации // Международный конгресс “Русский язык: исторические судьбы и современность”. — М., 2001.
5. Бушев А. Б. Термин в военном переводе // Языки профессиональной коммуникации. — Челябинск, 2003.
6. Буянова Л. Ю. Узкоспециальный термин как объект и результат терминологической деривации // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. — Ставрополь, 2000.
7. Виноградов В. А. Фонема // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
8. Ганеев Б. Т. Язык. 2-е изд. — Уфа, 2001.
9. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1965.
10. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. — М., 1987.
11. Дюженко Г. А. Документная лингвистика. — М., 1975.
12. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. — М., 1962.
13. Калинин А. В. Лексика русского языка. — М., 1978.
14. Козлова Г. В. Полисемия научно-технического термина (на материале современного английского языка): АКД. — Л., 1980.
15. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970.
16. Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. — М., 1956.

Раздел 1.

44 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

17. Лейчик В. М. Особенности функционирования терминов в тексте // ФН, №3, 1990.
18. Лемов А. В. Компоненты системы научного термина как лексической единицы // Лексикология и лексикография русского языка. — М., 2001.
19. Липатов А. Т. Метаязык лингвистики: таксономия и кодификация лингвистических терминов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. — М., 1995.
20. Минавичев В. С. Фонетическая терминология в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964.
21. Ольшанский И. Г. Лексическая полисемия: возможности и перспективы ее исследования с когнитивных позиций // Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 2000.
22. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1997.
23. СРЯ — Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. — СПб., 1999.
24. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. — М., 1989.
25. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970.
26. Хохлачева В. Н. К соотношению номинативных свойств существительных и образования терминов // Терминология и культура речи. — М., 1981.
27. Ярцева В. Н. Научно-техническая революция и развитие языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М., 1977.

Статья поступила в редакцию 14 июня 2004 г.

УДК 811:37.02

М. Д. Тагаев

МОРФЕМНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ТИП КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о составлении словарей, предназначенных для изучения иностранных языков, впервые был поставлен Л. В. Щербой. Причем, важно заметить, что Л. В. Щерба видел специфику таких словарей в том, “чтобы наглядно показать тот факт, что слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях”*. Поэтому “обычные переводные словари не дают настоящей

---

* Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград.: Наука, 1974. — С. 305.